

ТВОРЧЕСТВО ВЕРЛЕНА И СТАНОВЛЕНИЕ ПОЭТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ БРЮСОВА

Валерий Брюсов принадлежит к числу тех писателей, которые рано ступив на литературную стезю, очень быстро приобретают известность. Еще в ранней молодости он заставил заговорить о себе, как об одном из зачинателей декадентской поэзии. Уже к середине 90-х годов XIX столетия он становится одним из признанных мэтров "нового искусства". Вскоре Брюсов практически возглавляет литературное течение русского символизма.

Ученик Брюсова - поэт, переводчик, теоретик стиха и педагог Георгий Шенгели, в своей статье "Валерий Брюсов" пишет об учителе: "Человек огромной культуры, математик, историк, полиглот, социолог, поэт с огромным талантом и смелостью разрабатывающий незатронутые до него темы и утверждающий новую поэтическую технику, <...> переводчик, перенесший в Россию стихи Верлена, Эдгара По и Верхарна"¹.

Решающую роль в формировании символистского поэтического мышления Брюсова сыграла поэзия французских символистов, в первую очередь — поэзия Поля Верлена. Уже в самом начале своего приобщения к эстетике символизма Брюсов отмечает неоднородность и некую шаткость концептуальных положений символистов. Он пишет: "О символизме нельзя говорить, как о литературном течении с ясно обозначившимися стремлениями. Пока еще не только мы, русские символисты, идем ощупью, наугад, но и наши старшие братья-французы". Брюсов определяет символизм как "поэзию оттенков", которая противоположна "прежней поэзии красок"².

Уже первое знакомство с творчеством Верлена приводит Брюсова в восторг и он до конца своих дней неизменно

¹ В. Брюсов, Неизданное и несобранное, Стихотворения, Проза, воспоминания о Брюсове, Varia, М., "Ключ", 1998, стр. 208

² В. Брюсов, "Дневники", 1891-1910, М. и С. Сабашниковы, М., 1927, стр. 49

преклоняется перед талантом великого поэта-символиста. "... Когда в наших газетах проскальзывали сведения о новом движении среди поэтов Франции,- вспоминает Брюсов,- я с жадностью набрасывался на эти случайные заметки, и первым поэтом, из числа символистов, с которым я познакомился, был Поль Верлен. ... Он привел меня в неописуемый восторг"³. Из дневниковых записей Брюсова (02.01.1893г.) узнаем, что он готовится отправить в разные издательства свои переводы Верлена. В том же году Брюсов пишет: "Жить еще не живу, хотя собираюсь. Занимаюсь много и начинаю входить в колею. Перевожу довольно удачно Верлена и очень старательно Овидия"⁴. В 1894 году Брюсов издал свои переводы верленовских "Романсов без слов".

Брюсов отчетливо понимал всю важность тех творческих и эстетических исканий, которые нашли свое отражение в произведениях Бодлера и Верлена, Рембо и Маларме. Именно в их творчестве впервые возникла та совершенно новая структура стиха и особенно образа, которая определила своеобразие всего символистического движения. Движения, оказавшего большое влияние на последующее развитие не только французской, но и мировой поэзии.

Говоря о символистах, необходимо учесть то обстоятельство, что их предшественниками были не романтики, а поэты "парнасцы", яркие представители которых — Теофил Готье и Леконт де Лиль — внесли существенные изменения в лирику романтиков. Если у романтиков окружающий мир рисуется в томных, мрачных тонах, а природа, чаще всего, - дикая стихия, враждебно настроенная к человеку, то у Готье доминирует праздничное настроение, а природа гармонична, радостна. Поэзия "парнасцев" освобождена от морали и политики.

Брюсов дает свое разделение течений во французском символизме, проведя при этом сравнительную параллель с парнасцами и романтиками. По мнению поэта во французском символизме "надо различать два течения: во-первых — культ Красоты, эстетизм, во-вторых — культ Личности, индивидуализм.

³ "Новости" 18 ноября, 1895г. — фельетон Н.Рока, "Из Москвы", стр.22

⁴ В.Брюсов, "Дневники", 1891-1910, М. и С.Сабашниковы, М., 1927, стр. 11-13

Первое течение возникло отчасти под влиянием английских прерафаэлитов и проповеди Рескина. Второе — выросло в 80-х годах и привело позднее к широкому распространению философии Ницше. С одной стороны, символисты отказались от того идеала общедоступной поэзии, к которой склонялись позднейшие парнасцы и готовы были замкнуться "в башне из слоновой кости", во имя служения высокому искусству (*la haute litterature*). С другой стороны, символисты отвергли парнасский идеал объективной, безличной поэзии и, подобно романтикам, стали стремиться к тому, чтобы искусство было наиболее полным выражением личности художника. Символисты сходились с романтиками еще и в том, что охотно обращались к мистическим учениям, стараясь, однако, дать им более глубокое обоснование"⁵.

Затрагивая проблему формы поэтического произведения, Брюсов подчеркивает одну существенную разницу в подходе символистов к этой проблеме. Он пишет: "Подобно парнасцам, символисты придавали в поэзии высокое значение форме, но в то время как для парнасцев форма была чем-то самодовлеющим, символисты всегда смотрели на нее лишь как на средство. Поэтому они готовы были отречься ото всех "правил" в области стихосложения, признавая, что каждый поэт волен сам создавать те формы, которые наиболее соответствуют содержанию его поэзии". Отречение от всех "правил" и свобода выбора "своего" языка — это краеугольные идеи немецких романтиков, к которым тяготеют символисты. Говоря об этой тенденции, Брюсов в то же время замечает: "Вернувшись к идее "субъективного" языка романтиков, символисты развили ее до последних крайностей, не останавливаясь перед тем, что это делало некоторые из их произведений крайне трудными для понимания"⁶.

В своих ранних стихотворениях, включенных в сборник "Сатурновы стихи" ("*Poems saturniens*", 1866), над которым Верлен начал работать еще в 1861 году, поэт во многом еще зависит от романтиков, от парнасцев и от Бодлера. Тем не менее

⁵ В. Брюсов, Полное с/с и переводов т. XXI, французские лирики XIX века, С-Петербург, "Сириус", 1913, стр. 227

⁶ Там же, стр. 228

этот сборник можно считать одним из важнейших событий в истории символизма.

Исследователь Сапаров отмечает, что в 92-93-м годах Брюсов больше других символистов переводил Верлена, и не только потому, что Верлен был "проще" Малармэ или Метерлинка. Верлен был "ближе": его литературно-эстетическая система по основным стилевым компонентам — лирическому герою, теме, изобразительным средствам — сопоставима с системой русского чистого искусства. Это генетически родственные системы. В этой системе для Брюсова есть одно очень важное связующее звено — "самый яркий представитель русского чистого искусства - Фет (Брюсов увлеченно осваивал его в конце 80-х — начале 90-х годов, непосредственно перед знакомством с французским символизмом). И в этой связи Сапаров очень уместно приводит слова исследователя творчества Брюсова — Д.Максимова, касательно этой "связки". Он отмечает, что Фет "психологизировал природу, но остановился на границе, за которой начинается растворение природы в переживании. За эту границу переходит Верлен, за Верленом несколько шагов делает и Брюсов"⁷.

Критики обращаются к становлению Брюсова-символиста и справедливо отмечают: "Верлен для Брюсова в это время — целый мир, целая эпоха. Его представление о символизме практически равно восприятию Верлена. Он называет себя чаще не символистом, а декадентом, используя термин Верлена"⁸.

Критики приводят отклик современного Брюсову литературоведа Н.Рока о том, что музыкальность Верлена, умение передать нюансы, настроений, само открытие этих полутонов в человеческой душе французским поэтом захватывает юного Брюсова, заставляя "с жадностью набрасываться" на все сообщения о нем⁹.

⁷ Сапаров К.С., Фет в системе воззрений Брюсова конца 80-х — первой половины 90-х годов, в кн.: Брюсовские чтения, Ереван 1998, стр.135

⁸ Брюсовские чтения, 1983, Ереван 1984, стр. 353-363

⁹ Н.Рок, Из Москвы — Новости, 18 ноября 1895г.

После констатации этих фактов, критики Ю.Солодуб и Г.Храповицкая пишут: "Но увлечение Верленом не могло быть долгим у поэта-философа, певца города"¹⁰.

Взгляды Брюсова на поэзию и ее задачи сложились "под сильным влиянием Верлена и являются повторением его тезиса: "не нужно красок, только нюансы"¹¹. Эта поэтическая формула, ставшая одним из основополагающих принципов русского символизма, сохранила полностью свою значимость и в дальнейшие годы.

Одна из первых статей в России о Верлене появилась на страницах журнала "Весы" (1905), который стал самым известным и влиятельным из периодических изданий русских символистов, несомненно и то, что главным вдохновителем его создания и основателем был Брюсов. В своем дневнике от 26.10.1903 он пишет "Нам разрешили "Весы" и это развело нас окончательно с "Новым Путем"¹².

В создании "Весов" Брюсову помогали поэты символисты Бальмонт и Мережковский, который позже категорически заявлял, что "Весы" — журнал Брюсова¹³, и это мнение Мережковского разделяли почти все литераторы того времени.

Брюсов переводил стихи Верлена и на страницах "Весов", и в других периодических изданиях, почти два десятилетия — с 1892 по 1911г. В предисловии ко второму изданию "Французские лирики XIX века" Брюсов признается, что Верлен "чаровал своими песнями" как Орфей: "И этой своей книгой, как и двумя другими, посвященными отдельно Верлену и Верхарну, я надеялся побудить читателей от переводов обратиться к оригиналам"¹⁴.

В ранних стихотворениях, включенных в сборник "Сатурнические поэмы", таких как "Марко", "Цезарь Борджиа", "Савит-

¹⁰ Ю.Солодуб, Г.Храповицкая, Перевод "Красоты" Бодлера как отражение нового этапа в творческом развитии В.Брюсова; в кн.: Брюсовские чтения, Ереван, 1983, стр.154

¹¹ К.Локс, Б. — теоретик символизма, "Литературное наследие", Т.27-28, 1937, стр.266

¹² "Новый путь" — журнал, издаваемый в Петербурге (1903-1904)

¹³ Д. Мережковский, В тихом омуте, СПб, 1908, стр.101

¹⁴ В.Брюсов, Полное с/с и переводов т. XXI, французские лирики XIX века, С-Петербург, "Сирин", 1913, стр.ХIII-ХI

ри", "Пролог и Эпилог" и особенно в "Смерти Филиппа II" чувствуется влияние как романтиков, так и парнасцев. Изобилие вещей, буйство красок, материальный мир обступают героя, тяготеют над ним. Для этого сборника очень характерны воспоминания о прошлой любви, и грустные, меланхолические строки о ее потере.

Тенденцию к "развеществлению" действительности находим во втором сборнике стихотворений Верлена, создававшемся в 1866-1868 гг. и опубликованном в 1869 г. под названием "Изысканные празднества".

По характеристике Брюсова, эта вторая книга Верлена "создавалась под двумя влияниями: ... книги Гонкуров, посвященной XVIII веку и открытия в Лувре галереи французских художников той же эпохи"¹⁵. В сборнике нашли место такие стихотворения, как "На прогулке", "На корабле", "Аллея", "Цитера", "Мандолина", "В тиши", "Пантомима" и другие. Отметим, что по цельности композиции — это наиболее законченная книга Верлена, переводчик пишет, что эти стихи как бы переносят в мир поэзии образы Ватто и Буше. В сборнике чувствуется дух итальянской комедии дель арте.

Для Верлена главное — "укрепление" субъекта. Верлен-символист стремится уничтожить отчетливые границы между душой лирического героя и внешним миром и это старается передать в своих переводах Брюсов.

Эти тенденции поэта сохраняются в сборнике "Милая песенка" (1869), а также в цикле стихотворений "Побежденные" (1867-1872).

Эти два последних сборника написаны в допереломные в творчестве Верлена годы. Это время, когда поэт во многом близок к традиции своего предшественника — Бодлера, к агрессивности и смелости его поэзии. Эта трансформация очевидна и в общей тональности переводов Брюсова.

В центре верленовской лирики стоит индивидум и его горькая судьба. Характеризуя "Романсы без слов" как "самый известный" сборник, Брюсов в молодости утверждал также, что

¹⁵ Брюсов В.Я., Из стихов Поля Верлена П. Рус. мысль, 1911, N2, Отдел I, стр.158

он является и лучшей из книг Верлена, в которой "он стал наконец самим собой"¹⁶. В переводе этого сборника уже проявляется мастерство Брюсова — не только и не столько в передаче мыслей и слов французского поэта, сколько верленовского настроения, его печали.

Небо над городом плачет, Что оно, что оно значит,
Плачет и сердце мое. Это унынье мое¹⁷.

Издавая впервые "Романсы без слов" в русских переводах, короткое предисловие к ним Брюсов заключал фразой: "Недостатки этой книги надо приписывать переводу, а не шедеврам Верлена". Когда спустя много лет поэт вернулся к ним, он признавался, что в этих начальных опытах "было гораздо больше усердия и восторга перед поэзией Верлена"¹⁸. В определенной степени прав М.Л.Гаспаров, утверждающий, что ранний Брюсов переводит не поэзию, а поэтику; "ему нужно создать на русском языке стиль непонятной словесной вязи, на что-то смутно намекающий; он перенимает этот прием у Малармэ, а образы, на которых он демонстрирует этот прием, ему безразличны, и он с легкостью заменяет их своими ..."¹⁹.

После перевода "Романсов без слов", по мнению критиков Ю.Солодуба и Г.Храповицкой, у Брюсова наметился "отход" от Верлена к Бодлеру. Основанием для этого послужила следующая запись Брюсова в своем дневнике 29 января 1898 года: "Занятия философией как-то убивают поэзию. Поэзия требует для себя известной наивности мысли. Ум, искушенный метафизическими тонкостями, отказывается от приблизительности стихотворного языка". Упомянутые критики считают, что "наивность и приблизительность стихотворного языка" — это Верлен в "Романсах без слов", да и не только в этом цикле, и не только Верлен". И исходя отсюда, они приходят к выводу, что к началу 1900-х Брюсов

¹⁶ В.Брюсов, Полное С/с, Том XXI, Очерк французской лирики XIX века, критико-биографические очерки, Санкт-Петербург, Издательство "Сириус", 1913, стр. 834

¹⁷ В.Брюсов, Полное С/с, Том XXI, Очерк французской лирики XIX века, критико-биографические очерки, Санкт-Петербург, Издательство "Сириус", 1913, стр. 315

¹⁸ П.Верлен, Собрание стихов, Перевод В.Брюсова с кратким биографическим очерком,

библиографией, портретами, К.-во "Скорпион", М.1911

¹⁹ Гаспаров М.Л., Брюсов и подстрочник // Брюсовские чтения 1980 года//Ереван 1983 стр. 179

понял всю "наивность" верленовской поэзии и отдал предпочтение "философу" Бодлеру, так как его поэзия не была "приблизительной"²⁰.

Противопоставление поэзии Верлена и Бодлера в данном контексте не имеет под собой почву, так как именно Верлен продолжил и развил поэтическую практику символизма, основа которого была заложена Бодлером. А разделение всей французской поэзии на "философскую" и "нефилософскую" — "наивную" и "приблизительную" несостоятельно. Критики свои своеобразные "выводы" делают не только из "Дневников" Брюсова, но и со слов Тынянова; они пишут: "Ю.Н.Тынянов, противопоставляя метод Брюсова символистам, очевидно, прежде всего Верлену, признававшему "оттенки" и отвергающему полные тона, писал, что Брюсов "предпочитает краски" — и <...> вводит образы вещные (как когда-то делал Державин). "Он же отмечал скульптурность и фабульность поэзии Брюсова"²¹.

Здесь Тынянов просто говорит о творческих особенностях символиста Брюсова, который никогда не противопоставлял себя символистам. И главное: откуда такая "очевидность", что Тынянов "прежде всего" имел в виду французских символистов и именно Верлена? Необоснована также, на наш взгляд, версия о том, что для Брюсова "наивность" и "приблизительность" стихотворного языка, от которого отказывается "искушенный ум поэта" — это Верлен в "Романсах без слов". Едва закончив перевод этого произведения, Брюсов в своих "Дневниках" пишет: "Нечто свершено. Заключенный дома и как-то успокоившись, я отдался одному делу. Вчера оно окончено. Оно не прославит моего имени, но представляет ценный вклад в русскую литературу — это перевод "Романсов без слов" Верлена (16 августа, 1894).

Поэт с годами не только не изменил своей оценки этого произведения, но еще более утвердил ее. В 1913 году в предисловии к сборнику своих переводов французской лирики XIX века Брюсов пишет: "Трудно указать, что в мировой поэзии

²⁰ Ю.Солодуб, Г.Храповицкая, Перевод "Красоты" Бодлера как отражение нового этапа в творческом развитии В.Брюсова; в кн.: Брюсовские чтения, Ереван, 1983, стр. 352

²¹ Ю.Н.Тынянов, В.Брюсов в кн. Ю.Н.Тынянов, Анархисты и новаторы, Л.1929, стр.531;534-536

может соперничать с мелодией иных "Романсов без слов" Верлена ..."²².

В творческом наследии Верлена особое место занимает книга "Мудрость", над которым автор в основном работал в 1873-1875гг. и отчасти — во второй половине 70-ых. Многие литературоведы Франции этот сборник считают "вершиной" творческого пути поэта.

Отношение Брюсова к этому сборнику неоднозначно: с одной стороны, по мнению переводчика, "Мудрость" не удовлетворяет верующего читателя, по крайней мере православного, а с другой стороны Брюсов признается, что это — "Самая замечательная" из книг Верлена, "с нею воскресает к истинному художественному бытию религиозная поэзия, бывшая в параличе с эпохи Возрождения"²³.

Надо отметить, что в сборнике "Мудрость" имеются четыре гимна, в которых автор непосредственно обращается к Богу Отцу, к Христу-Спасителю и к Богоматери. Из них Брюсов перевел лишь первый (I, "О Боже, ты меня любовью ранил), а о четвертом, названном им "замечательным мистическим диалогом ... между Богом и грешником", он заметил: " — Я не сумел (и отчасти не посмел) передать его на русском языке"²⁴.

Для образа лирического героя "Мудрости" показательна его апатия и равнодушие ко всему земному. Но апатия уживается у героя Верлена с оптимистическим ожиданием спасения, с мыслью о надежде.

С первой половины 80-х до 1896 года — года смерти — Верлен опубликовал стихотворные сборники "Когда-то и недавно", "Параллельно", в которых нашли место большое количество стихотворений, написанных им в 60-х и 70-х годах. О первом из них Брюсов пишет: "Когда-то и Недавно" — одна из интереснейших книг Верлена, и в ней много таких опытов, к которым он не возвращается более никогда"²⁵. Одновременно в названии сборника переводчик видит глубокомысленную религиозную аллего-

²² В.Брюсов, Полное С/с, Том XXI, Очерк французской лирики XIX века, критико-биографические очерки, Санкт-Петербург, Издательство "Сирия", 1913, стр.Х

²³ Брюсов В.Я., Из стихов Поля Верлена II, Рус. мысль, 1911, N2, Отдел I, стр.167

²⁴ Там же, стр. 167-168

²⁵ Брюсов В.Я., Из стихов Поля Верлена II, Рус. мысль, 1911, N2, Отдел I, стр.173

рию. "Когда-то — это до обращения, "недавно" — после покаяния"²⁶.

Вторую книгу — "Параллельно" — Брюсов характеризует как самые "рискованные" из стихотворений Верлена — "Сапфическая любовь, любовь продажная, любовь в духе Платона — вот темы большинства стихотворений"²⁷.

Что касается произведений, время написания которых относится к 80-ым и 90-ым годам, то из них необходимо прежде всего выделить стихотворения, составившие сборники "Любовь" ("Amour", 1888) и "Счастье" ("Bonheur", 1891), в которых собраны произведения Верлена отчасти 70-х и главным образом 80-х годов. В этих сборниках автор продолжает темы предыдущего сборника — "Мудрости". "Но если в "Мудрости" господствует восторг новообращенного, а в "Любви" есть настоящий молитвенный экстаз, то в "Счастье", — пишет Брюсов, — на первом месте стоят "отвлеченные теологические размышления".

Те же мотивы Верлена сохраняются и в сборнике "Задумчивые обеды", что в свою очередь дает повод Брюсову писать "... Последний из сборников католических стихов Верлена. В книге уже не чувствуется подлинного религиозного одушевления"²⁸.

Можно сказать, что интерес к творчеству Верлена Брюсов сохранил в течение всей своей творческой деятельности. Он остался верен своим словам, напечатанном еще в 1904 году в "Весах": "Во всей французской литературе нет поэта, которого можно было так любить, как Верлена. Именно любить, потому что не поклоняешься, у него не учишься". Пусть с некоторыми перерывами, но Брюсов долгие годы переводил поэзию Верлена, а некоторые его произведения — даже многократно. Однозначно одно, что переводы поэзии Верлена, сделанные Брюсовым и рассматриваемые многими критиками как "вхождение в символизм", оставили глубокий след как в формировании поэтического мировоззрения Брюсова и его творчестве, так и в развитии символизма в России.

²⁶ В. Брюсов, "Из французской поэзии", стр. 836

²⁷ Брюсов В.Я., Из стихов Поля Верлена II, Рус. мысль, 1911, N2, Отдел I, стр. 178

²⁸ Там же, стр. 180-184